

Отказ от наследства как форма злоупотребления правом

Дмитрий М. Касаткин

*Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет
Санкт-Петербург, Россия, kasatkin.1997@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы применения злоупотребления правом при рассмотрении добросовестности отказа от наследства. Недобросовестным поведением часто квалифицируются любые действия гражданина, которое влечет за собой принятие наследства другими лицами. Злоупотребление правом также часто применяется судами как основание для признания отказа от наследства недействительной сделкой. Отказ от наследства по своей правовой природе является сделкой односторонней, поэтому не может оспариваться, например, по банкротному законодательству, поскольку не предусматривает автоматический переход права собственности к другому лицу. Наследственные отношения в целом должны иметь приоритет над долговыми обязательствами, даже относительно конкурсных кредиторов. Открытие наследства является незапланированным событием, на которое не рассчитывают при открытии процедуры банкротства. При наличии недобросовестного умысла, например, потенциальный наследодатель всегда может с помощью завещания заранее отстранить от наследования обремененного долгами наследника по закону. Отказ от наследства стоит признавать злоупотреблением только при наличии явных признаков недобросовестности, например когда должник продолжает пользоваться имуществом или отдает распоряжения о нем наследникам. В настоящий момент особенно при рассмотрении отказа от наследства при банкротстве доминирует презумпция недобросовестности наследника, что не является верным. Непринятие наследства, которое как бездействие не является сделкой по общим основаниям, также признается недействительным в банкротных процессах, что является неверным толкованием закона. Недобросовестное бездействие является злоупотреблением правом.

Ключевые слова: злоупотребление правом, отказ от наследства, недобросовестное поведение, добросовестность, недействительность сделки, односторонняя сделка, отказ в защите права, непринятие наследства, наследство

Для цитирования: Касаткин Д.М. Отказ от наследства как форма злоупотребления правом // Вестник РГТУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 1. С. 116–125. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-1-116-125

Refusal of inheritance as a form of abuse of right

Dmitrii M. Kasatkin

*Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
Saint Petersburg, Russia, kasatkin.1997@gmail.com*

Abstract. The article considers the issues of the abuse of right when considering the good faith of refusal of inheritance. Any action of a citizen that entails the acceptance of an inheritance by other persons is often qualified as dishonest behavior. Abuse of law is also often applied by the courts as a basis for recognizing the refusal of inheritance as an invalid transaction. Refusal of inheritance, by its legal nature, is a one-sided transaction, and therefore cannot be contested, for example, under bankruptcy law, since it does not provide for the automatic transfer of ownership to another person. Inheritance in general should take precedence over debt obligations, even in relation to bankruptcy creditors. The opening of an inheritance is an unplanned event that is not counted on when opening bankruptcy proceedings. If there is dishonest intent, for example, a potential testator can always, with the help of a will, preemptively exclude a debt-ridden heir by law from inheriting. Refusal of inheritance should be recognized as abuse only if there are clear signs of dishonesty, for example, when the debtor continues to use the property or gives orders to the heirs about it. At the moment, especially when considering refusal of inheritance in bankruptcy, the presumption of bad faith of the heir dominates, which is not correct. Failure to accept an inheritance, which, as an omission, is not a transaction on general grounds, is also considered invalid in bankruptcy proceedings, which is an incorrect interpretation of the law. Unfair omission is an abuse of right.

Keywords: abuse of right, refusal of inheritance, dishonest behavior, good faith, invalidity of a transaction, unilateral transaction, refusal to protect a right, non-acceptance of an inheritance, inheritance

For citation: Kasatkin, D.M. (2025), "Refusal of inheritance as a form of abuse of right", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 1, pp. 116-125, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-1-116-125

Одним из основополагающих в гражданском законодательстве является принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав, указанный в п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Данный принцип говорит о диспозитивном характере гражданского права. Граждане и юридические лица имеют возможность осуществлять свои права любым способом, не запрещенным законодательством. Однако разрешена реализация прав только таким образом, когда они не нарушают права и законные интересы других участников отно-

шений. Прописать все неправомерные действия в законодательстве невозможно, поэтому пределы осуществления гражданских прав устанавливаются институтом злоупотребления, который имеет общую санкцию – отказ в защите реализованного ненадлежащим образом права.

Определение злоупотребления правом находится в ст. 10 ГК РФ и понимается как реализация своих прав заведомо недобросовестно и с противоправной целью. В судебной практике Верховный суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) в своем определении от 14.06.2016 № 52-КГ16-4 более детально раскрыл механизм злоупотребления, понимая под ним любые негативные последствия использования права, например материальный вред, упущенная выгода. Также злоупотребление может выражаться в использовании права на отчуждение имущества, когда истинной целью является предотвратить обращение на него взыскания.

Отказ от наследства как раз является одной из форм отчуждения имущества. Наследственное право является подотраслью гражданского, а значит, институт злоупотребления применяется к отношениям в данной сфере как общая норма. ВС РФ в п. 51 постановления Пленума от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (далее – ПП ВС № 9) обратил внимание на то, что наследственное имущество еще до дня принятия наследством, с момента открытия поступает в долевую собственность принявших наследство. Пока не произведен отказ от наследства, то в случае, если наследнику полагается какая-либо доля наследственной массы, он заочно уже имеет ее в собственности, например до момента отказа в случае фактического принятия наследства. В таком толковании отказ от наследства можно понимать как отчуждение имущества.

Отказ от наследства возможен как при наследовании по закону, так и при наследовании по завещанию. Такое право закреплено ст. 1157–1159 ГК РФ. Отказ от наследства, в отличие от злоупотребления правом, не имеет закрепленного в законодательстве определения. В научной литературе приводятся различные определения данного правового института. О.А. Медвецкая определяет отказ от наследства как действие, направленное на утрату права наследования, что не совсем верно, поскольку, отказавшись от наследства в ходе конкретной наследственной процедуры, несостоявшийся наследник оставляет за собой право наследования за другими наследодателями при наличии таковых [Медвецкая 2014, с. 8]. В.А. Серикова дает более верное определение, обращая внимание, во-первых, на то, что отказ от наследства являет-

ся правомерным действием, а во-вторых, что оно направлено на отказ от конкретного наследства [Серикова 2020, с. 56]. В целом верно будет подметить, что правомерное действие направлено на прекращение права в конкретном случае, а значит, отказ от наследства также будет являться односторонней сделкой [Попова 2015, с. 85].

В случае, если односторонняя сделка является противоправной, то одним из способов защиты права будет признание ее недействительной. ВС РФ в своей судебной практике неоднократно приводил в действие данный правовой механизм, основываясь на злоупотреблении правом как на единственном основании [Барткова 2020, с. 12]. Однако существует и противоположное мнение, которое основывается на том, что для признания сделки недействительной в силу отказа от наследства необходимо специальное основание, указанное в законе, но такое отсутствует [Сизина 2016, с. 166]. Такая позиция не является верной, поскольку в ГК РФ есть универсальная норма ст. 168 о недействительности сделок в силу закона. Конституционный суд РФ в определении от 24.02.2022 № 420-О обратил внимание на то, что ст. 168 ГК РФ является законодательным закреплением принципа законности, изложенного в ч. 2 ст. 15 Конституции РФ. Это говорит о том, что сделка по данной статье может признаваться недействительной в случае любого нарушения закона, поскольку это общая норма, в том числе отдельно подчеркивается, что это актуально и для нарушения законодательного запрета на злоупотребление правом. Таким образом, становится очевидным, что отказ от наследства является односторонней сделкой, а следовательно, последствиями произведенных нарушений при ее осуществлении могут являться как признание сделки недействительной, так и сопутствующий отказ в защите права, если основанием является злоупотребление.

Стоит рассмотреть наиболее распространенные случаи, когда отказ от наследства рассматривается как злоупотребление правом. Наиболее частыми являются дела, когда при банкротстве гражданин становится наследником и для того, чтобы наследственная масса не ушла кредиторам, отказывается от наследства. Отказ от наследства может быть как в пользу иного родственника, так и без указания лиц, относительно которых происходит отказ. В научной литературе встречается неправильное мнение о том, что всякий отказ от наследства при банкротстве является злоупотреблением правом, преследуя единственной целью воспрепятствовать кредиторам в возможности получить исполнение [Бердегулова 2023, с. 51]. В данном случае очевидно непра-

вильное понимание позиции ВС РФ, изложенной в определении от 14.09.2018 № 305-ЭС18-13167 по делу № А41-42616/2015, где суд, даже не высказывая свою позицию, только соглашается с доводами нижестоящих судов о том, что не доказано то, что сестра должника как заинтересованное лицо по банкротному законодательству не знала о цели причинения вреда имущественным интересам кредитора. Стоит согласиться с позицией Е.Н. Шибаевой о том, что добрые родственные отношения должны являться приоритетом в наследственных отношениях и отказ от наследства, который этим обоснован, не может признаваться недобросовестным [Шибаева 2020, с. 8].

Цель причинения вреда имущественным правам кредиторов исходя из п. 2 ст. 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предполагается в нескольких случаях. Во-первых, когда по сделке имущество должника передается другому лицу. Отказ от наследства в пользу конкретного лица не может квалифицироваться как передача имущества и тем более как двусторонняя сделка с заинтересованным лицом. Предполагаемый бенефициар еще должен самостоятельно решить о принятии или отказе от наследства, в том числе по поводу новой доли. Это очень важный момент, который должен учитываться судами. Так, Арбитражный суд Московского округа (постановление от 22.05.2023 № Ф05-28637/2022 по делу № А40-156778/2021), рассматривая дело о признании недействительным отказа от наследства, посчитал, что интересы кредиторов являются приоритетом в сравнении со стремлением должника одарить родственников, сославшись на позицию ВС РФ, где оспаривались договоры дарения. Отказ от наследства хоть и является сделкой, но не каждая сделка является договором. Нормы о дарении к отказу от наследства неприменимы.

Во-вторых, когда должник скрывал имущество, но при отказе от наследства возможен только полностью, а не частично. В-третьих, когда должник фактически продолжает владеть имуществом, которое перешло по сделке к другому лицу, или отдает последнему указания о владении таковой. Только третье обстоятельство относительно отказа от наследства может говорить о презумпции причинения вреда кредиторам и злоупотреблении правом.

Практика ВС РФ в настоящее время также претерпела изменения. Так, в определении от 13.09.2023 № 309-ЭС23-15916 по делу № А71-13602/2021 суд согласился с доводами нижестоящих инстанций, что оснований для признания отказа от наследства в пользу сестры не усматривается, поскольку отказ имел прежде

всего целью раздел наследственной массы, а не причинение вреда кредиторам. Сестра оказывала помощь должнику и родителям, что говорит о том, что целью сделки в такой ситуации является реализация наследственных отношений, что имеет место и при отсутствии процедуры банкротства.

Неверной представляется позиция, где указано, что только при отказе от наследства при банкротстве в пользу других лиц возможно злоупотребление правом [Фомичева 2019, с. 150]. Злоупотребление правом действительно возможно при направленном отказе, если лицо продолжает пользоваться имуществом или дает собственнику указания относительно использования. Однако при ненаправленном отказе от наследства при условии отсутствия других наследников наследственное имущество считается выморочным и переходит в собственность Российской Федерации, ее субъектов или муниципальных образований. Обычно такой отказ преследует целью неуплату значительных обязательств, которыми обладает наследодатель. При проведении процедуры банкротства такие долги также будут списаны. В связи с этим очевидным видится намерение причинить вред кредиторам должника, отказываясь от наследства таким образом. При наличии иных наследников кроме наследственных затрагиваются также семейные отношения, а отказ, делающий имущество выморочным, требует детального рассмотрения на предмет наличия цели оставить кредиторов ни с чем. Однако такие случаи достаточно редки, и в судебной практике не встречаются примеры подобного рода обжалования.

Применение злоупотребления правом при отказе от наследства при проведении процедуры банкротства имеет место быть. Однако для правильной квалификации необходимо понимать, что отказ от наследства не является классическим отчуждением имущества. Изначально привлекаемые наследники обладают долевой собственностью в отношении наследуемого с момента открытия наследства. В ПП ВС № 9 указывается, что раздел такой долевой собственности в течение трех лет с открытия наследства происходит прежде всего по правилам ст. 1165-1170 ГК РФ, отдается приоритет наследственным правоотношениям. ВС РФ в определении от 13.01.2015 № 8-КГ14-7 обращает внимание, что в таком толковании трехлетний срок является пресекательным, а наследники имеют лишь обладающее условиями реализации право на получение в счет наследственной доли определенных предметов.

Также нельзя отдавать равный приоритет интересам кредиторов над наследственными отношениями. При образовании

кредитной задолженности не берется в расчет наличие у наследника потенциальных наследодателей. Открытие наследства – это случайное относительное событие, возможность которого не принимается в расчет при открытии процедуры банкротства. Следовательно, нельзя говорить о безусловном нарушении интересов кредиторов, поскольку изначально они состоят в удовлетворении своих требований за счет имеющегося у должника имущества.

Злоупотребление правом при открытии наследства безусловно есть в случае, когда отказ был фиктивным, а должник с ведома родственников пользуется имуществом как своим собственным. В таком случае недобросовестное поведение является очевидным, что имеет основания для признания сделки недействительной на основании ст. 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Отказ от наследства как недействительная сделка по основанию злоупотребления правом для ухода от выплаты долгов часто рассматривается в делах, не связанных с процедурой банкротства. В этой сфере в отсутствие специальных норм банкротного законодательства судебная практика более стабильна. Так, Липецкий городской суд в апелляционном определении от 04.08.2014 по делу № 33-2036/2014 удовлетворил требования истицы о признании отказа от наследства недействительным, поскольку он был произведен для уклонения от уплаты долгов по возмещению вреда здоровью, что подтверждается проживанием ответчика на территории имущества, включенного в наследственную массу. Московский городской суд в апелляционном определении Московского городского суда от 26.07.2023 по делу № 33-32487/2023 в занял интересную позицию о том, что кредитор не вправе оспаривать отказ от наследства, поскольку не является стороной сделки в наследственном отношении. Однако данная позиция противоречит позиции ВС РФ, который в постановлении Пленума от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указал, что иск лица, не являющегося стороной ничтожной сделки, поданный в порядке п. 2 ст. 168 ГК РФ, может быть удовлетворен, если лицо имеет интерес, затрагиваемый данной сделкой и не имеющий иных способов защиты права. При отказе от наследства, если бы в данном случае имело место злоупотребление правом, других способов защиты, кроме возврата по недействительности сделки, у кредитора не было бы.

Стоит обратить внимание также на то, что отказ от наследства – это не всегда активные действия. Так, непринятие наследства не может являться сделкой, поскольку это бездействие. Однако наследники могут вполне осознанно осуществлять бездействие, чтобы наследство перешло к другим наследникам [Шишмарева 2021, с. 197]. Несмотря на это, судебная практика идет по другому пути и не обговаривает правовую природу непринятия наследства. Так, Арбитражный суд Уральского округа в постановлении от 09.06.2022 № Ф09-1938/22 по делу № А71-7325/2019 квалифицирует непринятие наследства как действия, лишённые экономического смысла. В том числе он квалифицирует такого рода сделку как совершенную с заинтересованным лицом, а не одностороннюю. С такой практикой нельзя согласиться, поскольку в данном случае игнорируются общие для всего гражданского права нормы о сделках, которые должны применяться как в наследственных, так и в банкротных отношениях. Надлежащей правовой защитой от непринятия наследства видится как раз признание такого рода бездействия злоупотреблением правом, так как неосуществление действий также, в свою очередь, является реализуемым правом.

Злоупотребление правом при отказе от наследства или при непринятии наследства должно опираться прежде всего на критерии правомерности осуществления гражданином своего права. При открытии наследства, о котором кредиторы первоначально даже не подозревали и не брали его в расчет, заявляя свои права на исполнение, необходимо исходить прежде всего из приоритета наследственных прав, а не банкротных. Наследование является случайным относительным событием. При наличии изначально недобросовестного умысла наследодатель может, например, посредством завещания заранее обезопасить будущую наследственную массу от взыскания с обремененного долгами наследника.

Литература

Барткова 2020 – Барткова О.Г. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации за 2015–2020 годы по вопросам применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о недействительности сделок и о запрете злоупотребления правами // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3 (63). С. 7–15.

- Бердегулова 2023 – *Бердегулова Л.А.* Актуальные вопросы реализации наследственных прав гражданином-банкротом // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2023. № 3 (57). С. 49–54.
- Медвецкая 2014 – *Медвецкая О.А.* Гражданско-правовой механизм отказа от наследства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2014. № 4. С. 89–94.
- Попова 2015 – *Попова Л.И.* Отказ от наследства в российском гражданском законодательстве // Власть закона. 2015. № 2 (22). С. 84–89.
- Серикова 2020 – *Серикова В.А.* Отказ от наследства: вопросы теории и правоприменительной практики // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 1 (46). С. 55–59.
- Сизина 2016 – *Сизина О.С.* Отказ от принятия наследства несостоятельным наследником // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 6. С. 165–168.
- Фомичева 2019 – *Фомичева Н.В.* Отказ от наследства при банкротстве гражданина: поиск баланса интересов наследника и кредитора // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5 (130). С. 148–151.
- Шибаета 2020 – *Шибаета Е.Н.* Злоупотребление правом в условиях отказа от наследства // Современный юрист. 2020. № 3 (32). С. 59–68.
- Шишмарева 2021 – *Шишмарева Т.П.* К проблеме оспариваемости сделок отказа от наследства в процедурах несостоятельности в России и Германии // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. С. 193–203.

References

- Bartkova, O.G. (2020), "Review of legal positions of the supreme court of the Russian Federation for 2015–2020 on the application of the provisions of the civil code of the Russian Federation on the invalidity of transactions and on the prohibition of abuse of rights", *Vestnik of Tver State University. Series: Law*, no. 3 (63), pp. 7–15.
- Berdegulova, L.A. (2023), "Actual issues of the realization of hereditary rights by a bankrupt citizen", *Scientific Works of Orenburg Institute (Branch) of MSLA*, no. 3 (57), pp. 49–54.
- Fomicheva, N.V. (2019), "Refusal of inheritance in bankruptcy of a citizen: search for a balance of interests of the heir and the creditor", *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, no. 5 (130), pp. 148–151.
- Medvetzkaya, O.A. (2014), "The civil-law mechanism of the refusal of inheritance", *Proceedings of Southwest State University. The series: History and Law*, no. 4, pp. 53–57.
- Popova, L.I. (2015), "Disclaimer of inheritance in Russian civil legislation", *The Rule of Law*, no. 2 (22), pp. 84–89.
- Serikova, V.A. (2020), "Renunciation of inheritance: subjects of theory and legal precedents", *Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*, no. 3 (63), pp. 84–89.

- Shibayeva, E.N. (2020), "Misuse of right under inheritance disclaimer", *The Modern Lawyer*, no. 3 (32), pp. 59–68.
- Shishmareva, T.P. (2021), "About the problem of conflictability of inheritance refusal deals during insolvency procedure in Russia and Germany", *Tomsk State University Journal of Law*, no. 41, pp. 193–203.
- Sizina, O.S. (2016), "Refusal to accept the inheritance by an insolvent heir", *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 6, pp. 165–168.

Информация об авторе

Дмитрий М. Касаткин, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Россия; 190005, Россия, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4; kasatkin.1997@gmail.com

Information about the author

Dmitrii M. Kasatkin, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint Petersburg, Russia; bld. 4, 2nd Krasnoarmeiskaya Street, Saint Petersburg, Russia, 190005; kasatkin.1997@gmail.com